

16. Которова Е. Межъязыковая эквивалентность в лексической семантике. Сопоставительное исследование русского и немецкого языков. Франкфурт-на-Майне, 1998.
17. Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам. Томск, 2001.
18. Калиткина Г.В. Континуум «неделя» в вершининском говоре // Проблемы документации исчезающих языков и культур (XXI Дульзонские чтения). Ч. 1. Уфа-Томск, 1999.
19. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992.
20. Шервуд Е.А. Календарь у древних кельтов и германцев // Календарь в культуре народов мира. М., 1993.
21. Слепенкова Р.К. Арём-моньцем ед ки мӓнд... (если моя песня-сказка дальше пойдет...). Ханты-Мансийск, 2003.

*Л.А. Абукаева*

## **ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОЦЕНКИ КАК СООТВЕТСТВИЯ НОРМЕ В РУССКОМ И МАРИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Исследование оценочного значения, способов его оформления представляет особый интерес на современном этапе развития языкознания. Это обусловлено тем, что пристальное внимание лингвистов привлекает субъект речи, его эмоции, интенции, и в связи с этим одной из центральных проблем языкознания является проблема взаимодействия семантики и прагматики.

С категорией оценки непосредственно связана объективная (фактическая) составляющая сообщения и ее субъективная сторона, а именно оценка как намерение воздействовать на адресата речи. Выражая оценку, адресат реализует прагматическую цель – осознанно или неосознанно вызвать определенную реакцию адресата на содержание высказывания.

Категория оценки охватывает широкий диапазон языковых единиц. Оценка имплицитно или эксплицитно присутствует практически в любых видах текстов и является универсальной категорией. Н.Д. Арутюнова определяет оценку как «собственно человеческую категорию», которая «задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства» [1, с. 5].

Положительная или отрицательная оценка связана с ориентацией на норму, на такие оценочные стереотипы, как соответствие предмета требуемым параметрам, общепринятым представлениям, сложившемуся в данном социуме мнению. В данной работе под оценочностью понимается такое отношение говорящего к предмету речи, которое выражается в характеристике предмета, признака, действия как положительного, отрицательного или соответствующего норме, принятым представлениям.

Объектом исследования в этой работе являются синтаксические фразеологизмы марийского языка, передающие значение оценки как соответствия норме в их сопоставлении с соответствующими структурами русского языка, выявляются модели фразеологизированных предложений, определяется спектр субъективно-модальных значений, выражаемых такими конструкциями.

Для обозначения фразеологизированных синтаксических конструкций в лингвистике существует несколько терминов: застывшая конструкция [2], синтаксический идиоматизм [3], шаблонная фраза, синтаксический фразеологизм [2, 4, 5], фразеосхема [6, 7], застывший синтаксический оборот [8], связанная синтаксическая конструкция [9].

Наиболее приемлемым, на наш взгляд, следует считать термин «синтаксический фразеологизм», идентичен которому термин «синтаксический идиоматизм». Термин «шаблонная фраза» ассоциируется с клише, стандартизованными фразами, которые являются принадлежностью официально-делового стиля. Термины «застывший синтаксический оборот», «застывшая конструкция» также не в полной мере отражают грамматическую природу рассматриваемых конструкций, так как «застывшей», фразеологизированной, является сама модель. Термином «фразеосхема или фразеологизированная схема» логично обозначить модели (структурные схемы, отвлеченные образцы), по которым строятся такие предложения, противопоставляя их предложениям нейтрального синтаксиса, построенным по свободным структурным схемам.

Синтаксические фразеологизмы могут быть отнесены с лексическими фразеологизмами, поскольку «подуровень синтаксической фразеологии представляет собой, с одной стороны, явление, производное от синтаксического яруса (т.е. в этом смысле явление более высокого порядка), с дру-

гой – выступает в качестве связующего звена между уровнем лексическим и далее подуровнем лексической фразеологии с уровнем синтаксическим» [6, с. 12].

Как известно, лексические фразеологизмы имеют ряд особенностей, среди которых наиболее важными являются следующие: 1) семантическая неделимость; 2) постоянство состава; 3) воспроизводимость; 4) непроницаемость структуры; 5) устойчивость грамматической формы; 6) обычно строго закрепленный порядок слов.

Все эти признаки в той или иной степени обнаруживаются и у синтаксических фразеологизмов. Рассмотрим фразеологизированные конструкции марийского языка, построенные по модели «сущ. в им. п. / мест. в им. п. / прил. в им. п. + (туда / тиде) + сущ. в им. п. / мест. в им. п. / прил. в им. п. (+ак)», обладающие значением оценки как соответствия норме. Как и в других фразеологизированных структурах, вся модель в совокупности своих постоянных и свободных компонентов выражает значение соответствия предмета принятым представлениям, норме, например: *Рвезе – рвезак* [Г. Алексеев. Шочмо вер – чевер] ‘Мальчик есть мальчик (букв.: ‘мальчик мальчик же’)’; «*Сай ма, сай огыл – оза, тудо, озак, илет-илетат, ике ужат*», – *ешарыш Нигмат. Чын ойлат: незер – кеч-куштат незер, поян – пняк* [В. Сапаев. Йолташет уло гын] ‘«Хороший или нехороший – хозяин есть хозяин (букв.: ‘хозяин он хозяин же’), поживешь, сам увидишь», – добавил Нигмат. Правду говорят: бедняк везде бедняк, богатч есть богатч (букв.: ‘богатч богатч же’)’.

Постоянство состава обеспечивается компонентами, на которых базируется модель синтаксического фразеологизма. Эти компоненты так и называются – постоянные (в другой терминологии – опорные). В русском языке в функции постоянных компонентов моделей фразеологизированных конструкций выступают акцентирующие и местоименные слова, союзы, предлоги и предложные образования, частицы, междометия [4, с. 383], в марийском языке в этой роли употребляются также местоимения и местоименные наречия, союзы, частицы, послелогии. Так, в синтаксических фразеологизмах марийского языка со значением множественности, разнообразия, распространенности, преобладания, построенных по модели «вопр. мест. / вопр. мест. нар. + *гына* + *уке* / отриц. форма глаг.», в роли опорных компонентов функционируют вопросительные местоимения или местоименные наречия и частица *гына* ‘только’. По указанной модели формируются многочисленные фразеологизированные структуры, семантика которых может быть конкретизирована как значение множественности, разнообразия, распространен-

ности, преобладания предметов, лиц, признаков, действий: *Э-э, тыгай ончалтыш тыманмешке мом гына шижтарен ок шукто гын?* [Шабдар Осып. Ёдырамаш корно] ‘Э-э, такой взгляд в мгновение ока о чем только не скажет?’; *Могай гына кочкышым поген огытыл* [В. Абукаев-Эмгак. Шочмо тувыр] ‘Каких только угощений не собрали?’; *А Зиналан пел пуд письма. Кушеч гына уке! Казань гыч, Чебоксар гыч, Горький гыч...* [А. Волков. Йормошка] ‘А Зине полпуда писем. Откуда только нет! Из Казани, из Чебоксар, из Горького’.

При употреблении фразеологизированной конструкции говорящий или пишущий воспроизводит модель, наполняя ее конкретным содержанием благодаря свободным компонентам в отличие от лексических фразеологизмов, воспроизводимых целиком в неизменном виде, если не учитывать вариативность некоторых компонентов лексического фразеологизма.

Модели синтаксических фразеологизмов отличаются устойчивостью, число постоянных и даже факультативных компонентов строго ограничено. Некоторые модели не допускают наличия распространителей опорных компонентов схемы: *Да, ава – авак. Тудым нигузе от ондале, туддеч нимом от шылта* [Абукаев-Эмгак. Шывага] ‘Да, мать есть мать (букв.: ‘Мать – мать же’). Ее никак не обманешь, от нее ничего не скроешь’.

Компоненты фразеологизированных предложений располагаются в определенном порядке. В редких случаях наблюдается перестановка компонентов, отвечающая экспрессивно-стилистическому заданию.

Таким образом, синтаксические фразеологизмы определяются как структуры экспрессивного синтаксиса, выражающие, помимо объективного содержания предложения, отношение говорящего к высказыванию и строящиеся по моделям, которые включают постоянные компоненты, воспроизводимые говорящим при конструировании предложения, и свободные компоненты.

Как образования экспрессивного синтаксиса, фразеологизированные конструкции противопоставлены предложениям, построенным по свободным отвлеченным образцам как структурам нейтрального синтаксиса.

Спектр субъективно-модальных значений, выражаемых фразеологизированными конструкциями, достаточно широк. Как в русском, так и марийском языке можно обозначить синтаксические фразеологизмы оценки (мелиоративной, пейоративной, оценки как соответствия норме); синтаксические фразеологизмы, имеющие значение множественности, разнообразия, распространенности, преобладания; синтаксические фразеологизмы, передающие значение логической обусловленности и об-

стоятельственной характеристики; синтаксические фразеологизмы с семантикой согласия, принятия; фразеологизированные конструкции отрицания, несогласия; синтаксические идиоматизмы выделения или акцентирования; синтаксические фразеологизмы, обладающие значением необходимости, целесообразности; фразеологизированные предложения, передающие значение единственности и исключительности; синтаксические фразеологизмы со значением превосходства; фразеологизированные конструкции с семантикой невозможности, ненужности, нецелесообразности.

В лугово-восточном марийском литературном языке нами выявлено 3 модели синтаксических фразеологизмов со значением оценки как соответствия норме.

Первая разновидность рассматриваемых конструкций организуется по модели «сущ. в им. п. + сущ. в им. п. + гаяк / семын(ак)». В качестве свободных компонентов этой схемы выступают повторяющиеся имена существительные в именительном падеже, за которыми следует послелог *гай* 'как' или *семын* 'как' с усилительной частицей *-ак* 'же'. При переводе таких предложений на русский язык значение частицы не передается.

Предложения фразеологизированной структуры, включающие постоянный компонент *гаяк* 'как' или *семынак* 'как', выражают значение оценки как соответствие норме, например: *Урем урем гаяк* 'Улица как улица'; *Айдеме айдеме семынак* 'Человек как человек'.

Свободный компонент схемы не имеет каких-либо лексических ограничений. Объект оценки определяется как обычный, ничем не выдающийся из ряда однородных предметов. Малопродуктивными в марийском языке являются структуры с иным порядком следования компонентов, при котором послелог *гаяк* ставится между существительными: *Ну, мо? Кем гаяк кем* [В. Горохов. Канде кайык] 'Ну, что? Сапоги как сапоги'. Указанный порядок расположения компонентов, на наш взгляд, является результатом влияния русского языка.

В подобных синтаксических фразеологизмах русского языка союзный постоянный компонент располагается между двумя существительными. Однако в русском языке первый компонент указывает на конкретный предмет, а второй называет класс предметов, к которому можно отнести рассматриваемый конкретный предмет: *Слова как слова! Какие же мне еще слова говорить! Кто тебя знает, чего ты боишься* [А. Островский. «Гроза»]; *Ну, что букет! Букет как букет* [А. Островский. «Таланты и поклонники»]; *Ничего не суконное. Рыло как рыло* [А. Островский. «Свои люди – сочтемся»].

В вышерассмотренной конструкции марийского языка иной порядок следования компонентов, т.е.

указание на определенный класс предметов содержит первое существительное, а второе обозначает конкретный предмет, о котором идет речь.

Синтаксические идиоматизмы с послеложным постоянным компонентом *семын* характеризуются незначительной продуктивностью.

Фразеологизированные конструкции данного типа свидетельствуют о таких эмоциональных реакциях говорящего, как удовлетворение, одобрение или безразличие.

Семантикой точного, полного соответствия предмета называемому характеризуются также синтаксические фразеологизмы, в которых в качестве опорного компонента выступают частицы *гын*, *дык*. Модель может быть представлена следующим образом: «сущ. в им. п. / прил. в им. п. + гын / дык + сущ. в им. п. / прил. в им. п.». В русском языке постоянным опорным компонентом структурной схемы аналогичных фразеологизированных предложений является частица *так*.

Если в качестве свободного компонента употребляется имя существительное, аксиологическую характеристику получает предмет или лицо: *Икшыве гын икшыве. Шовычышымат пидын ок шого* [С. Чавайн. Элнет] 'Ребенок так ребенок. И платок повязывать не стала'.

Менее продуктивны как в марийском, так и в русском языке синтаксические фразеологизмы со свободным компонентом именем прилагательным, выражающие значение соответствия ожидаемому какого-либо признака: *Антоновский гын антоновский, чыланат йыгыр мушкындо гай чумыраш улыт, лышташ кокла гыч чый да чый койыт...* [А. Волков. Каче-влак] 'Антоновские так антоновские, все круглые, как два кулака, из-за листьев показываются'.

Свободные компоненты схемы не имеют лексических ограничений.

Рассмотренные фразеологизированные конструкции выражают такие эмоции говорящего, как одобрение, удовлетворение.

Субъективно-модальное значение полного соответствия предмета, лица общепринятым представлениям, сложившемуся мнению имеют и синтаксические фразеологизмы, которые в марийском языке конструируются по отвлеченному образцу «мо дене / мо шот дене + сущ. в им. п. + огыл». Фразеологизированные конструкции обозначенной модели формируются на основе сочетания местоимения *мо* 'что' с послелогом *дене* 'с' *шот дене* 'с'. Кроме того, постоянным компонентом структурной схемы выступает отрицательная форма 3-го лица единственного числа настоящего времени от глагола *улаш* 'быть'. Свободный компонент схемы – имя существительное в именительном падеже. Примечательно, что в марийском языке

ке в отличие от русского языка в роли свободного компонента чаще употребляется нарицательное существительное.

В русском языке аналогичную семантику имеют предложения, организованные по модели «чем не + сущ. в им. п.»: *Да уж чего лучше! Чем не молодец, поискать такого красавца!* [А. Островский. «Таланты и поклонники»].

Обычно такие структуры сопровождаются предложениями нейтрального синтаксиса, подробно комментирующими фразеологизированные конструкции со значением оценки как указания на соответствие общепринятой норме: *Чем я не человек? Ни в чем не замечен, к старшим почителен* [А. Островский. «Свои люди – сочтемся»].

Синтаксические фразеологизмы описываемой модели в марийском языке могут выступать в качестве одного из способов сравнения: *Мо дене фабрике огыл? Шыштымат погат, кажне рамьжым туге чаткан тушкен шындат* [Г. Алексеев. Шочмо вер – чевер] ‘Чем не фабрика? И воск собирают, каждую раму так аккуратно залепляют’.

Такие конструкции передают эмоции удовлетворения и одобрения.

Свободные компоненты рассмотренных синтаксических фразеологизмов как русского, так и марийского языка не допускают наличия распространителей.

Фразеологизированные конструкции со значением оценки как соответствия норме, как и синтаксические фразеологизмы других семантических разновидностей, будучи образованиями экспрессивного синтаксиса, являются средствами создания тональности и в устной речи выступают совместно с невербальными средствами (тоном, интонацией, жестами, взглядом). Рассмотренные синтаксические фразеологизмы функционируют в текстах как с положительной, так и отрицательной эмоциональной тональностью.

Фразеологизированные конструкции находятся в отношениях синтаксической синонимии с предложениями нейтрального синтаксиса. Употребление синтаксических фразеологизмов в разговорной речи, их предпочтение перед предложениями, организованными по свободным структурным схемам, является одним из ярких проявлений особенностей разговорной речи, двух противоположных ее признаков: стремления к шаблону, к использованию готовых ре-

чевых формул и стремления к свободному построению единиц. С одной стороны, использование готовых образцов для выражения мысли и субъективно-модальных значений объясняется автоматизмом протекания речевого акта. По мнению Е.А. Земской, говорящий, находясь в условиях непринужденного неподготовленного общения, стремится упростить и облегчить свое «речевое поведение, поэтому он легко и часто прибегает к готовым языковым формулам, в том числе всякого рода клише, шаблонам и стереотипам» [10, с. 6]. С другой стороны, используя синтаксические фразеологизмы, говорящий воспроизводит только модель синтаксической конструкции, свобода речетворчества при этом сохраняется, так как свободным является лексический состав модели. Шаблонность и стереотипность не лишают фразеологизированные структуры выразительности.

Синтаксические фразеологизмы выступают как маркеры разговорной речи, что не исключает их широкого использования в публицистическом и художественном стилях.

В художественной прозе и драматургии такие структуры употребительны как в речи персонажей, так и в авторской речи. В первом случае мы имеем дело с установкой авторов на имитацию устно произносимой речи; это чаще всего диктуется необходимостью речевой характеристики персонажа. Во втором случае употребление синтаксических фразеологизмов лежит в основе приема интимизации повествования.

Общедоступность и демократичность публицистического стиля объясняет широкое употребление в нем разнообразных разговорных элементов, в том числе и синтаксических фразеологизмов. Их частотность в публицистическом стиле зависит от степени «обработанности материала». Так, наиболее продуктивны фразеологизированные конструкции в таких жанрах, как интервью, репортаж, письма читателей и т.п. Выразительность синтаксических фразеологизмов, их значительные экспрессивные возможности расширяют сферу их использования; не представлены рассматриваемые предложения лишь в официальных сообщениях, хрониках, материалах, имеющих чисто информативный характер в силу того, что в них находит отражение информация, которая получает минимальную субъективную интерпретацию или полностью лишена ее.

## Литература

1. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1984.
2. Шведова Н.Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // Вопр. языкознания. М., 1958. № 2.
3. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 2003.
4. Русская грамматика: В 2-х т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980. Т. 2.

5. Величко А.В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев: Учеб. пос. / Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1996.
6. Шмелев Д.Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // Вопр. языкознания. 1958. № 6.
7. Меликян В.Ю. Очерки по синтаксису нечленимого предложения: Учеб. пос. Ростов н/Д, 2001.
8. Кручинина И.Н. Синтаксис разговорной речи // Русская речь. 1968. № 1.
9. Шмелев Д.Н. О связанных синтаксических конструкциях в русском языке // Вопр. языкознания. 1960. № 5.
10. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.